

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

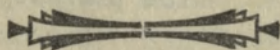
Археологии, Истории и Этнографии

П Р И

Казанском Университете.

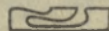
ТОМ XXX.

ВЫПУСК 2.

С о д е р ж а н и е:

- Н. П. Грацианский.** К критике *caritularie de villis* 129—150.
- С. П. Шестаков.** Завещание общинного врача Фебаммона . . . 151—165.
- Н. А. Бобровниксв.** Об учреждении Востоковедной комиссии . 167—174.
- Н. А. Бобровников.** Об экспедиции для обследования языка и быта во-тяков 175—187.
- Н. А. Бобровников.** Текущая работа Общества Археологии, Истории и Этнографии и восстановление Восточного факультета в Казанском Университете 189—210.
- В. К. Магницкий.** Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам) 211—239.
- Н. В. Никольский.** Биография В. К. Магницкого 239—242.
- Н. В. Никольский.** Печатные работы В. К. Магницкого 242—243.
- Н. В. Никольский.** Что читать по истории, этнографии и археологии народностей Поволжья? 244.
- Протоколы** Общих Собраний и заседаний Совета Общества Археологии, Истории и Этнографии при Государственном Казанском Университете за 1919 год 1—12.

КАЗАНЬ.

1-я Государственная Типография.

1919.

„Чиганарское волостное правление ¹⁾ рапортом, от 10 февраля за № 60-м, донесло (управлению), что деревни Токшиховой, околodka Анат—касов, крестьянин Семен Иванович *заколол лошадь и употреблял в пищу*, о чем донесено от него для произведения следствия местному станovому приставу. По подобному сему делу Казанская палата государственных имуществ, от 19 мая прошлого 1839 года с № 2022-м, с предписания департамента государственных имуществ, дала знать (управлению), что употребление в пищу лошадиного мяса не есть преступление, с чего в тоже самое время дано было знать всем волостным правлениям предписаниями, от 24-го мая 1839 года, дабы они о подобных делах доносили только окружному управлению, не давая знать станovым приставам“.

„По сему предписываю волостному правлению первое предписание окружного управления по сему предмету выполнять в точности. Окружный Начальник Ивановский. Письмовод. Алексеев ²⁾“

В. Магницкий.

Василий Константинович Магницкий родился 4 марта 1839 года в с. Ядрине, Ядринского уезда, Казан. губ. Детство свое провел в кругу русских и чувашских детей. Первоначальное образование получил в местном начальном училище, а потом в Чебоксарском духовном училище и Казанской духовной семинарии. Окончив 4-й класс семинарии В. К. Магницкий с некоторыми другими товарищами „со страхом и трепетом“ стал проситься уволить его из семинарии в Казанский университет. В 1856 г. В. К. М. уже студент юридического факультета, а в 1860 г. в звании кандидата прав занимает должность судебного следователя во 2-м участке Чебоксарского уезда. Здесь жили русские, чуваша и отчасти татары. В. К. Магницкий живо интересовался каждою из этих народностей и записывал свои наблюдения, не откладывая в долгий ящик, сличал с новыми данными, проверял их, и только после окончательной проверки материала начиналось изложение для печати. В. К. М. одинаково серьезно относился и к данным местной устной народной словесности и к тем актам, которые он находил в местных учреждениях и частных руках. Часть добытых материалов В. К. М. поме-

¹⁾ Вот доказательство двойственности употребления двумя учреждениями названия одного и того же села: „*Вила*“—по духовному ведомству, „Чиганары“—по гражданскому.

²⁾ Бумаги, исходившие из Ядринского окружного управления, оказываются писанными нередко по карандашным графам, рукой, видимо, мальчиков, набранных, вероятно, для подготовки их в сельские и волостные писари. Масса ошибок, какие они делали в переписываемых бумагах, с искажением смысла последних, окружными начальниками и их письмоводителями по каким-то побуждениям оставались в полной их неприкосновенности.

щал в корреспонденциях в разные газеты, другие же об'единял в особые сборники. Во время пребывания в Чеб. уезде, а именно в с. Беловоложском составлен был им сборник песен крестьян села Беловоложского который долго спустя (в 1877 г.) представлен им в состоявшую в то время при Казанском Обществе естествоиспытателей секцию антропологии и этнографии и по определению этой секции напечатан в Казанской университетской типографии. В конце 1870-х годов В. К. М-ий перешел на должность инспектора народных училищ в Уржумский уезд, Вят. г. Должность была только—что открыта Уржумским уездным земством и требовала большой энергии от В. К. М. для своего устройства. В Уржумском уезде обитали русские, черемисы и отчасти татары; изучением их и непосредственно и чрез учительство занимается В. К. М. Через 1 год В. К. М. переходит на должность инспектора народных училищ в Казанскую губернию, где в разное время заведывал училищами в уездах: Лаишевском, Спасском, Тетюшском, Свияжском и Чебоксарском. Во время нахождения здесь В. К. М. изучает местную археологию, историю и этнографию; он одинаково изучает и русских, и чуваш, и кряшен., и мусульман, и мордву. Для него нет господствующей и подчиненной народности; отношение его ко всем было одинаковое. Во всех, с кем только соприкасался В. К. М., он старался будить здоровые инстинкты и звать к труду и труду, как бы ни казался этот труд незначительным для первого раза. Неоднократно В. К. Магницкому приходилось доказывать сельской интеллигенции, что подлинная наука о народе находится в самом народе: произведения народной словесности, географическая номенклатура в связи с преданиями, мифология, народная архитектура, народная техника и пр. все это является неоценимым материалом для науки, каждый интеллигентный житель деревни не в праве проходить мимо этих ценностей; каждый должен заняться посильным собиранием того материала для науки, который ему по плечу; люди науки с'умеют этот материал использовать должным образом.

3 ноября 1885 г. В. К. М. становится действительным членом общества археологии, истории и этнографии и всею душою трудится на пользу науки. В 1891 году переводится, „для пользы службы“, в Елабужский уезд.

Выслужив 25 лет, В. К. М. вышел в отставку, и поселился в с. Шуматове, Ядрин. у., Каз. г., где его отец Константин Егорович Магницкий священствовал около 50 лет.

Живя в с. Шуматове, В. К. М. весь принадлежит пауки; теперь его не отвлекают служебные обязанности и невзгоды. Он нередко совершает путешествия в интересующие его места, вербует себе сотрудников из местной интеллигенции, старается заинтересовать ее своим делом, подолгу проводя в беседах с нею, не

взирая на ее возраст. Ему достаточно было увидеть хоть небольшое сочувствие своему делу в 16 летнем юноше, чтобы дальше выработать из него постоянного сотрудника по научным исследованиям. С местной чувашской интеллигенцией В. К. М. заводил неоднократно беседы о том, где следует искать залежей исторического материала о чувашах: „их ищите на месте, а еще больше в архивах Нижегородской духовной консистории и местного губернского правления“ в свое время присурье в административном отношении тянуло к Нижнему; по документам в Нижнем Вы узнаете, где надо искать дальнейших документов о чувашах; ведь так складываются обстоятельства, что не приходится довольствоваться одним провинциальным учреждением; жизнь невольно сталкивает и Св. синодом и пр. сенатом и с. мин. нар. пр. Ищите и непременно обрящете“. Если юноша или уже взрослый человек в беседах с В. К. М-м обнаруживал полное незнакомство с прилегающей окрестностью, то В. К. М. убеждал последнего „непременно составить карту своей деревни, нанести урочища, городища, обозначить здесь поля, леса, реки, овраги; дать точные названия—официальные и ходячие, привести относящиеся к каждому названию местные предания, толкования“. Даже клички собак не обошли В. К. М-го. При помощи сотрудников им составлен список их имен.

С местной интеллигенцией В. К. М. говорил и по вопросам народного образования. Если он замечал способного юношу, а родители не пеклись об его образовании, то задачей В. К. М-го было пробудить интерес к образованию и в юноше и в родителях его. В. К. М-у часто приходилось затрогивать вопрос о родном языке преподавания, родной литературе и родных деятелях по образованию для каждой народности. К удивлению В. К. М-го, находились противники всего этого даже среди местных народностей. В. К. М-у удавалось направлять миросозерцание местного юношества, а иногда и взрослого населения, на лучший путь. Для самого В. К. М-го не существовало даже и вопроса о праве местных языков на жизнь, литературу, просвещение. Раз навсегда этот вопрос был решен в положительном смысле: „если народности за тысячелетия своего существования сохранили свой язык, обычаи и т. д., то кто в праве им запрещать дальнейшее развитие на самобытной основе: путь к содружеству с народностями России заключается не в русификации их, а во внутреннем усовершенствовании на основе родного языка, литературы“. Сам увлекаясь, В. К. М. невольно увлекал своей беседой и слушателя. Речь В. К. М-го получала особую красочность, пластичность от того, что она очень мало имела отвлеченных положений, а больше жизненных картинок. За долгую свою деятельность судьей и инспектором народных училищ В. К. М-й имел слишком много наблюдений, чтобы не поделиться ими со слу-

шатателями. И надо заметить, добрые семена падали на добрую почву. Редкий уходил от В. К. М-го, не заразившись его идеями и его работой.

Деятельность В. К. М-го захватывала и простого обывателя. И мужчина, и женщина, и дети, и взрослые шли к нему с просьбами о помощи и не ошибались в своих ожиданиях: иному добрый совет, другому текст заявления в соответствующую инстанцию—и все это делалось просто; едва-ли кому-либо приходило в голову называть В. К. М-го „барином“; все привыкли его звать Василием Константиновичем; у всех при этом имени вырисовывалась добрая, приветливая, радушная фигура подлинного народника.

Конец 1900 г. и начало 1901 г. были тяжелыми для В. К. М-го. Болезни одна за другой посещают его. 4 марта 1901 г. В. К. М-го не стало в живых. 6 марта В. К. М. похоронен на общем Шуматовском кладбище среди тех простолюдинов, для которых он трудился всю свою жизнь. Одно пожелание высказывала тысячная толпа народа покинувшему ее В. К-у: йывър тапра с̄амал нултър“ (да будет легкой тяжелая земля). В знак особого уважения к памяти В. К. М. и благодарности к его деятельности местные крестьяне предоставили его сестрам пожизненно пользоваться плодами с сада, находившегося на церковной земле.

Н. Никольский.

Печатные работы В. К. Магницкого.

Библиотека и архив П. Г. Осокина. Изв. О. А. И. Э. Т. XVI, в. I, стр. 62—63.

Волости и деревни Чебоксарского уезда по одному фолианту 1-й народной переписи. Изв. О. А. И. Э. Т. XIV, в. I, стр. 223—225.

Город Кузмодемьянск и его уезд по 1 народной переписи (1718—1722). Изв. О. А. И. Э. Т. XIII, в. 4, стр. 428—443.

Городище Пиндер—сыч и курганы в Ядрин. и Курм. у. Изв. Общ. А. И. Э. Т. XIII, в. 5, стр. 364—373.

Город Чебоксары по 2 народной переписи в 1742—1748 годах. Изв. О. А. И. Э. Т. XIV, в. 5, стр. 536—555.

Два „Хола Сече“ (городище) в Ядрин. у. Изв. Общ. А. И. Э. Т. XIV, в. I, стр. 101—108.

Замечания на „этнографич. очерк быта чуваш“ И. Меньшова, В. К. Магницкого (Зап. Оренб. отд. рус. геогр. общ. вып. 4, стр. 179—195).

Значение названий селений: Сарда, Серда. Изв. О. А. И. Э. Т. VI, в. I, стр. 10—11.

Из быта чуваш Казан. губ. Этногр. обозрение. 1893 г., кн. 18.

Из поездки в Ядринский уезд. Заметки о быте присурских чуваш. Волж. вестник 1883 г. № 33.